

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ В СТРАНАХ РЕГИОНА

УДК 316.334.3, 316.4.051.6

СТРУКТУРА СЕТЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША В 1993—2013 ГОДАХ

Е. С. Фидря*

Рассматриваются особенности формирования сетевых связей политических элит Польши и влияние на этот процесс периода первичной и трудовой социализации, диаспоральных характеристик. Описаны сетевые структуры в различные периоды, дан анализ структурной динамики политических элит Польши для последующего прогнозирования основных тенденций их структурной трансформации.

Проанализирована динамика представительства в структуре политических элит Польши территориальных диаспор, членов бизнес-сообщества, «политиков морали». Выделены два основных периода в формировании сетей политических элит Польши: 1993—2007 гг. — переход от сравнительно слабо интегрированных сетей к сетям высокой плотности и связанности уже во втором электоральном цикле, после чего наблюдается постепенное снижение основных показателей сетевой интеграции; 2007—2011 гг. — новый пик сетевой сплоченности и интеграции, однако гибель некоторых ключевых членов политических элит в результате авиакатастрофы привела к снижению показателей сетевой интеграции до уровня 2001—2005 гг.

В целом сетевая структура польских политических элит характеризуется нестабильной динамикой, связанной с кризисными событиями разных лет. Тем не менее установлено, что элиты обладают выраженным диаспоральным ядром и непостоянной периферией, доля представителей бизнеса, напрямую участвующих в политических процессах, снижается, а «политики морали» принимают стабильно активное участие в формировании политических элит.

---

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта. 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 12.08.2013 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2013-4-9

© Фидря Е. С., 2013

Ключевые слова: сетевой анализ; политические элиты; Республика Польша

Политические элиты Республики Польша, как и большинства других восточноевропейских государств, пережили в начале 1990-х гг. процесс резкой реструктуризации: новые группы получили возможность войти во власть, открылись новые каналы политического рекрутинга, стали формироваться новые кластеры внутриэлитных связей, новые полюсы влияния. Основные вехи этого процесса уже являлись объектом внимания зарубежных и отечественных исследователей [1—8], однако структурного анализа трансформации конфигурации польских политических элит пока не предпринималось. Кроме того, большая часть работ, исследующих политические элиты, опирается скорее на качественный анализ данных, содержащихся в документах и интервью, что затрудняет проведение сравнительных исследований трансформационных процессов и формализованное сопоставление конфигураций политических элит.

В настоящей работе структурные изменения польских политических элит в период 1993—2013 гг. исследуются методом сетевого анализа. С его помощью мы попытаемся раскрыть фактическую структуру сетевых связей внутри политических элит; изучить генетические особенности этих связей, возникших в период первичной и трудовой социализации; выявить влияние диаспорального сообщества на формирование политической элиты Польши; определить главные сетевые характеристики политических элит, установить наличие стабильных кластеров внутри них, их природу и характерные особенности, а также роль в структурировании политических элит; наконец, провести анализ структурной динамики политических элит, на базе которого можно сделать общий прогноз тенденций структурной трансформации политических элит Польши.

Под политическими элитами предлагается понимать акторов (индивидуальных или групповых), способных оказывать постоянное и значительное влияние на политические результаты благодаря преимуществу стратегического положения, занимаемого ими в крупных организациях [9; 10]. Таким образом, политическое влияние актора мы ставим в зависимость от его положения в структуре формальной политической иерархии, что позволяет обеспечить устойчивый набор позиций для анализа сетевых конфигураций. Анализ проводится на основе ряда принципов: субъекты и их действия интерпретируются с точки зрения взаимозависимости; связи между участниками рассматриваются в качестве каналов для передачи потоков ресурсов; политическая структура может быть интерпретирована как определенная модель длительного взаимодействия между субъектами [11]. Большой вклад в разработку сетевого анализа внес Д. Ноук, утверждающий, что политическое влияние того или иного субъекта может быть установлено лишь в рамках взаимодействия с другими участниками политического процесса [12].

Выборку составили акторы, занимающие следующие позиции:

- президенты и их советники;
- премьер-министры и их советники;

- председатели Сейма и их советники;
- вице-премьеры, вице-спикеры; министры (занимающие свои посты не менее одного года);
- лидеры основных политических партий (имеющие фракции в парламенте).

Всего в ходе нашего исследования проанализированы данные по 239 польским политическим деятелям, соответствующим указанным критериям, из которых 44 занимали пост президента Республики Польша или должность в президентском аппарате, 167 — должность в Правительстве, а 28 — в Сейме. Стандартизованная информация, содержащая необходимые нам биографические данные, взята из справочников с официальных сайтов: президента Республики Польша (<http://www.president.pl>), Правительства Республики Польша (<http://www.poland.gov.pl>) и Сейма Республики Польша (<http://www.sejm.gov.pl>). Для получения более полной картины тенденций элитообразования в динамике анализ проведен по каждому из парламентских электоральных циклов с последующим сопоставлением результатов. Объем выборки N в каждом электоральном цикле приведен в таблице 1.

Таблица 1

Объем выборки в электоральных циклах, чел.

Цикл	N
1993—1997	38
1997—2001	41
2001—2005	40
2005—2007	39
2007—2011	45
2011—2015	36

Должность советника Президента введена только в 2005 г., поэтому в первые три электоральных цикла в сетевую структуру политических элит советники президента не входят. Чтобы сделать сравнение сетей по ряду показателей возможным и корректным, мы исключили из сетевой структуры акторов, занимающих эти позиции в три последних электоральных цикла. В тех разделах, где сетевые структуры анализируются отдельно друг от друга, эти акторы включены в структуру и учитываются при анализе.

В данном исследовании сетевой анализ дает возможность реализовать ряд важных исследовательских задач:

- 1) определение относительного положения интересующих нас политических субъектов — представителей политической элиты и их групп, а также структуры их связей;

2) проведение статистического измерения основных параметров самой сети; характеристика степени ее интеграции;

3) количественная характеристика структурного положения и роли в сети самих субъектов, а также оценка динамики структурных параметров политических субъектов в ходе развития политической системы.

1. Индикаторы сетевой структуры

Необходимо сделать пояснения по важным для данной работы понятиям: размер сети, сетевая плотность и транзитивность.

Размер сети выражает наибольшее расстояние между любыми парами вершин в сетевом графе и, таким образом, равняется максимальному расстоянию между любой парой субъектов в сети¹. В исследуемом периоде размер сетей политической элиты составил в большинстве случаев 2 (в последнем цикле — 3); это означает, что самые длинные цепи включают трех участников (в последнем цикле — четырех). Не менее интересным представляется процентное распределение более коротких связей, которые включали только одного или трех участников (табл. 2).

Таблица 2

Индикаторы сетевой дистанции, %

Сетевой индикатор	1993—1997	1997—2001	2001—2005	2005—2007	2007—2011	2011—2015
Дистанция = 1	74,4 ²	85,7	81,7	82,5	86,7	81,8
Дистанция = 2	25,6	14,3	18,2	17,5	13,3	17,7
Дистанция = 3	—	—	—	—	—	0,5
<i>Средняя дистанция</i>	1,256	1,143	1,185	1,175	1,133	1,187

Средняя дистанция сети (среднее расстояние между всеми участниками сети) достигает наименьшего (то есть самого короткого) значения в 2007—2011 гг., однако и в 1997—2001 гг. дистанция также была невелика. Наиболее «длинными» связи участников политических элит Польши были в период 1993—1997 гг., что, вероятно, можно объяснить начальным этапом формирования внутренних связей и интеграции (тогда же отмечается и наивысший процент цепей с тремя участниками).

¹ Здесь и далее, если не указано иное, для расчета сетевых параметров использовалась программа UCInet 6.365.

² Данный показатель рассчитан путем изменения кратчайших путей между вершинами сетевого графа, построенного для каждого из периодов.

Сетевая плотность. Данный показатель сетевой структуры характеризует соотношение имеющихся и возможных связей между представителями властных групп. Из таблицы 3 видно, что наибольших значений показатели сетевой плотности достигали в 2005—2011 гг.

Таблица 3

Индикаторы плотности сетей

Сетевой индикатор	1993—1997	1997—2001	2001—2005	2005—2007	2007—2011	2011—2015
Плотность	1,0014	1,3634	1,2782	1,4012	1,3818	1,3670
Компактность	0,872	0,929	0,908	0,913	0,933	0,908

Еще один индикатор плотности сетей — сетевая компактность. Данный показатель рассчитывается на основе сетевой дистанции и выражает значение нормализованной суммы обратной всех дистанций. И здесь наблюдается значительная компактность в периоды 1997—2001 и 2007—2011 гг.

Транзитивность — также одна из общих характеристик сети. Это свойство означает наличие связей между тремя субъектами, где если из трех вершин две пары вершин связаны друг с другом, то связана и третья пара³. В известном смысле данное свойство можно отнести к способности сетевых связей порождать новые внутренние связи и устойчивые подструктуры, что свидетельствует о степени внутренней сплоченности сетевых подструктур (табл. 4).

Таблица 4

Транзитивность сетей, %

Сетевой индикатор	1993—1997	1997—2001	2001—2005	2005—2007	2007—2011	2011—2015
Транзитивность	81,95	83,16	76,59	75,16	82,63	77,74

Из таблицы 4 видно, что пиковое значение транзитивности (83,16%) было достигнуто в 1997—2001 гг., после чего оно значительно снизилось, и только в период 2007—2011 гг. транзитивность вновь достигает высокого процента.

³ Для расчета транзитивности использовался принцип смежности (adjacency): триада x_{ik} , x_{ij} , x_{jk} считается транзитивной, если значение связи x_{ik} равняется 1, при условии, что x_{ij} и x_{jk} также равны 1.

2. Динамика внутренней структуры политических элит Республики Польша

В анализе трансформации политических элит и механизмов их рекрутинга в бывших странах Варшавского блока обычно выделяются несколько каналов, среди которых есть как специфические, так и общие: бизнес-сообщество, интеллектуалы, региональные и международные диаспоры. Рассмотрим динамику представления этих блоков в структуре польских политических элит подробнее.

2.1. «Политики морали» (деятели науки, культуры и искусства)

В странах Балтии интеллектуалы сыграли заметную роль в политических трансформациях начала 1990-х гг. «Политики морали» [3; 13], находясь в статусе структурной оппозиции в политическом пространстве, выступали в роли субъекта, обладающего символическим капиталом — легитимным правом производить квалифицированные суждения относительно социально-политического устройства своих стран. В то же время недостаток административного опыта и потеря своей структурной роли сильно подорвали впоследствии право этой группы претендовать на политическую власть [14].

Таким образом, количественное представление политиков, имеющих опыт работы в сферах образования, науки, здравоохранения, культуры или искусства, было высоким на протяжении практически всего исследуемого периода и колебалось в пределах 49—63%. Это значительный процент, однако нужно отметить, что многие польские политики приобрели опыт работы в образовательных и научных учреждениях уже после того, как получили политический опыт — на министерских постах в сфере финансов и экономики, например, или в сфере законодательной деятельности в Сейме. Их вряд ли можно безоговорочно отнести к категории «политиков морали» — скорее это агенты обратного процесса. Поэтому представляется уместным привести цифры удельного веса «политиков морали» в соответствии с более строгим фильтром: здесь учитывались только те политики, которые имели опыт работы в сфере искусства, культуры, здравоохранения, науки, образования до прихода на высокие политические посты, а также те, кто проработал в вышеупомянутых сферах не менее чем в двух организациях.

При таком строгом определении доля «политиков морали» в структуре политических элит значительно снижается (табл. 5). Вместе с тем мы видим, что динамика их доли в польских политических элитах позволяет выделить три периода: 1) 1993—2001 гг., когда доля «политиков морали» была достаточно высока; 2) 2001—2007 гг., когда представительство «политиков морали» достигало наименьших значений; 3) после 2007 г., когда процент «политиков морали» снова возрос (правда, в соответствии со строгим определением он был вновь относительно низким).

Таблица 5

Участие «политиков морали» в структуре политических элит

Сетевой индикатор	1993—1997	1997—2001	2001—2005	2005—2007	2007—2011	2011—2015
N, кол-во чел.	38	41	40	39	45	36
Доля «политиков морали», %	55,3	63,4	50,0	48,7	57,8	61,1
«Строгая» доля, %	23,7	26,8	15,0	17,9	26,7	19,4

Источник: расчеты автора.

В рассматриваемый период «политики морали» не только возглавляли «профильные» министерства — здравоохранения, культуры, национального образования и науки, спорта и туризма, окружающей среды, но и занимали посты премьер-министра, глав министерств иностранных дел, юстиции, финансов, национальной обороны, транспорта, государственного казначейства, связи, регионального развития; были председателями партий и партийных блоков, а также «министрами без портфеля» и советниками президента.

**2.2. Представители диаспорального сообщества.
Территориальная принадлежность**

В странах Балтии этнические литовцы, латыши и эстонцы, вернувшиеся на родину из западных стран (прежде всего из США) сыграли важную роль в становлении новых политических элит и государственности в целом [15, с. 115]. Представляется целесообразным выявить структуру диаспоральных сообществ и в польских политических элитах, а также определить динамику их представительства.

Принадлежность к диаспоральному сообществу устанавливалась по месту рождения и получения образования — школьного и затем университетского (как показатель места социализации будущих участников властных структур). В качестве критерия, на основе которого относили того или иного субъекта к конкретной территориальной среде первичной социализации, использовалось фактическое подтверждение рождения или обучения субъекта в школах и вузах в Варшаве, на территории одного из воеводств, в той или иной республике Советского Союза либо стране Варшавского блока, в одной из стран Западной Европы (табл. 6).

Доля представителей диаспор в структуре политических элит, %

Период	WR	MZ	DS	KP	LU	LB	LD	MA	OP	PK	PD	PM	SK	SL	WP	WN	ZP	WE	SU
1993—1997	16	26	3	5	11	3		5	3		3	5		8	3		3		8
1997—2001	12	7,3	7,3	4,9			4,9	4,9		4,9		12	4,9	12	9,8		2,4	4,9	4,9
2001—2005	20	2,5	10	5	5		13	5				15	2,5	5	2,5		13		
2005—2007	21	18	5,1	10	2,6	10	7,7	5,1				10	2,6	2,6	2,6	2,6			
2007—2011	16	13	6,7	8,9	6,7	6,7	4,4	4,4	4,4	4,4		13		2,2	2,2	4,4		2,2	
2011—2015	14	22	8,3	5,6	5,6			8,3	2,8	2,8		8,3	2,8	5,6	5,6	2,8	2,8	2,8	
<i>Всего</i>	16	15	6,7	6,7	5	3,3	5	5,4	1,7	2,1	0,4	11	2,1	5,9	4,2	1,7	3,3	1,7	2,1

Условные обозначения:

WR — Варшава;	PD — Подляское воеводство;
MZ — Мазовецкое воеводство;	PM — Поморское воеводство;
DS — Нижнесилезское воеводство;	SK — Свентокшиское воеводство;
KP — Куявско-Поморское воеводство;	SL — Силезское (Щёлёное) воеводство;
LU — Люблинское (Любельское) воеводство;	WP — Великопольское воеводство;
LB — Любуское воеводство;	WN — Варминьско-Мазурское воеводство;
LD — Лодзинское (Лудзское) воеводство;	ZP — Западно-Поморское воеводство;
MA — Малопольское воеводство;	WE — западные страны;
OP — Опольское воеводство;	SU — республики СССР и страны Варшавского блока.
PK — Подкарпатское воеводство;	

Курсивом выделены регионы с наибольшим представительством в электоральном цикле.

Источник: расчеты автора.

Как видно из таблицы 6, выходцы из западных стран — Франции, Великобритании — не имели значительного численного представительства в польских политических диаспорах. Формальные министерские посты, занимаемые ими, также не давали возможности оказывать ключевое влияние на политические процессы.

Доля политиков с «советским» наследием была относительно высокой только в первые два парламентских цикла: эти политики, в основном выходцы из Украины, занимали, как правило, посты глав «силовых» министерств — внутренних дел или национальной обороны. На этом фоне выделяется только Е. Бузек, родившийся в Чехии и ставший премьер-министром.

2.3. Представители бизнес-сообщества

С точки зрения динамики представителей бизнес-сообщества в структуре политических элит Польша представляет собой довольно интересный случай. По сравнению со значительной частью бывших советских республик и стран Варшавского блока доля политических деятелей, имеющих опыт руководства коммерческими структурами, здесь снижается, а не увеличивается (табл. 7).

Таблица 7

Доля политиков с опытом работы в бизнесе

Сетевой индикатор	1993—1997	1997—2001	2001—2005	2005—2007	2007—2011	2011—2015
<i>N</i> , кол-во чел.	38	41	40	39	45	36
Доля представителей бизнес-сообщества, %	15,8	24,4	17,5	10,3	11,1	11,1

Источник: расчеты автора.

Наибольшего представительства в политических элитах бизнес-сообщество добилось в 1997—2001 гг., когда его представители составляли почти четверть всех членов структуры. До политических должностей большинство «бизнес-политиков» имели опыт руководства телекоммуникационными, инвестиционными и консалтинговыми компаниями. Чаще всего коммерческий опыт участники польских политических элит приобретали в составе руководства коммерческими банками, телекоммуникационными или энергетическими компаниями. Известны случаи работы в девелоперской сфере, фармацевтической промышленности, туризме.

Выводы

За прошедшие со времени распада Советского Союза и «биполярного мира» годы сети политических элит Республики Польша не раз подвергались более или менее серьезной перестройке. Период, когда в течение довольно длительного времени эти сети могли развиваться поступательно, сменялся резким «стрессом», вводившим в сети новые центры влияния и формирующим новые конфигурации подструктур. В целом можно сделать следующие выводы о структуре и динамике сетей политических элит Польши в 1993—2013 гг.

1. В формировании сетей польских политических элит можно выделить два периода:

- 1993—2007 гг. — охватывает четыре электоральных цикла и характеризуется переходом от относительно дезинтегрированных сетей в 1993—1997 гг. к высокой их плотности и связанности в 1997—2001 гг. с последующим снижением основных показателей сетевой интеграции вплоть до 2007 г.;

- 2007—2011 гг. — формирование новой конфигурации сетей политической элиты Польши, более сплоченных и интегрированных. Трагические события 2010 г. вновь привели к трансформации сетевой структуры польских политических элит и снижению показателей сетевой интеграции до уровня 2001—2005 гг.

2. «Политики морали» заметно представлены в структуре сетей политических элит Польши: на протяжении исследуемого периода их доля составляла до двух третей в соответствии с «мягким» определением и до четверти в соответствии со «строгим» определением. На основе имеющихся данных нельзя сделать вывод о направлении линейной динамики: выделяются три периода:

- 1993—2001 гг., когда доля «политиков морали» была достаточно высока;
- 2001—2007 гг., когда их представительство достигало наименьших значений;
- после 2007 г., когда их доля снова возросла.

Отметим прямое соответствие транзитивности политических элит и «строгой» доли «политиков морали». Возможно, это объясняется тем, что «профессиональные» круги порождают транзитивные связи, предоставляя членам своих сетей дополнительный социальный капитал.

3. Ведущие роли на протяжении всей новой политической истории Польши играли в первую очередь уроженцы Варшавы, политики из Мазовецкого (исключая Варшаву) и Поморского воеводств. В последние два исследуемых периода диаспоральный состав становится более разнообразным, постепенно растет представительство Нижнесилезского, Малопольского и Куявско-Поморского воеводств. Представители именно этих диаспор чаще других занимали и занимают ключевые структурные позиции — президента, премьер-министра, маршала Сейма, председателя партии. Внешние диаспоры не играли особой роли в структуре сетей польских политических элит: у выходцев из западных стран нет значительного численного представительства в польских политических сетях, а доля политиков с «советским» наследием была относительно высокой только в первых двух парламентских циклах.

4. Доля политических деятелей, имеющих опыт руководства коммерческими структурами, за исследованный период снизилась. Чаще всего бизнес-опытом обладают министры, нередко занимающие потом посты в профильных министерствах. Единичные акторы с опытом руководства коммерческими структурами представлены в аппарате президента. В руководстве же Сейма заседают практически одни «профессиональные политики» без бизнес-опыта. Можно предположить, что Польша несколько раньше, чем другие «переходные» страны достигла фазы, когда бизнес предпочитает реализовывать свои интересы путем лоббистских практик, не участвуя непосредственно в политической борьбе. Роль представителей бизнеса, занимающих министерские посты, скорее состоит в реализации богатого административного и технического опыта.

В заключение можно сказать, что сети польских политических элит на протяжении всего исследуемого периода обладают сильно выраженным диаспоральным ядром, которое составляют представители Варшавы и Мазовецкого воеводства. Периферия же довольно разнообразна, и если в первых циклах в нее входили и делегаты внешних диаспор

(стран Запада или бывшего Варшавского блока), то на последних этапах территориальная диверсификация производится за счет представителей иных воеводств. Бизнесмены тяготеют к дистанцированию от прямого участия в политических сетях, а вот доля «политиков морали» остается высокой и, возможно, влияет на транзитивность политических сетей.

Список литературы

1. *Fodor E., Wnuk-Lipinski E., Yerzhova N.* The New Political and Cultural Elite // *Theory and Society*. 1995. Vol. 24, No. 5 : Special Issue on Circulation vs Reproduction of Elites during the Postcommunist Transformation of Eastern Europe. P. 783—800.
2. *Gallina N.* Political Elites in East Central Europe: Paving the Way for «Negative Europeanisation»? Budrich UniPress Ltd., 2008.
3. *Wasilewski J.* Three Elites of the Central-East European Democratization // *Transformative Paths in Central and Eastern Europe* / ed. by R. Markowski, E. Wnuk-Lipinski. Warsaw, 2001.
4. *Wasilewski J.* Political Elites as an Agent of Social Change: The Polish Perspective // *Social Change and Human Development: Concept and Results* / ed. by R. K. Silbereisen, X. Chen. SAGE Publications Ltd., 2010.
5. *Василевски Я.* Политическая элита средней ступени: проблематика исследования // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2009. Т. 5, № 2. С. 5—27.
6. *Жуковский И. И.* Рекрутация политических элит в современной Польше: некоторые предварительные суждения // *Вестник Московского университета*. Сер. 12 : Политические науки. 2011. № 6. С. 48—55.
7. *Ричард А., Внук-Липинский Э.* Источники политической стабильности и нестабильности в Польше // *Социологические исследования*. 2002. № 6.
8. *Тарасов И. Н.* Проблема динамики процесса посттоталитарного развития стран Восточной Европы // *Социально-экономическое развитие России. Проблемы, поиски, решения*. Саратов, 2000. С. 51—53.
9. *Хигли Дж.* Элиты, внеэлитные группы и пределы политики: теоретический ракурс // *Элиты и общество в сравнительном измерении* / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М., 2011.
10. *Higley J., Burton M.* Elite Foundations of Liberal Democracy. Boulder, 2006.
11. *Wasserman S., Faust K.* Social Network Analysis: Method and Application. Cambridge, 1994.
12. *Knoke D.* Political Networks: the Structural Perspective. Cambridge, 1990.
13. *Agh A.* The Politics of Central Europe. L. ; Thousand Oaks ; New Delhi, 1998.
14. *Lieven A.* The Baltic Revolution: Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence. New Haven ; L., 1994.
15. *Кирчанов М. В.* Латвия и страны Балтии: проблемы дипломатической и политической истории. Воронеж, 2007.
16. *Crisis, Choice, Change. Historical Stories of Political Development* / ed. by G. A. Almond [et al.]. Boston, 1973.
17. *Dogan M., Higley J.* Elites, Crises, and the Origins of Regimes. Rowman and Littlefield Publishers, Boulder CO, 1998.
18. *Matonyte I.* Ex-nomenklatura and Ex-dissidents in the Post-communist Parliaments of Estonia, Latvia, Lithuania and Poland // *Viesoji politika ir administravimas*. 2009. № 29. P. 28—39.

19. Steen A. The New Elites in the Baltic States: Recirculation and Change // Scandinavian Political Studies. Bind 20 (New Series). 1997. № 1. P. 91—112.

20. *The New Democracies in Eastern Europe: Party Systems and Political Cleavages*. Aldershot, 1994.

Об авторе

Ефим Сергеевич Фидря, кандидат социологических наук, директор Социально-гуманитарного парка, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: EFidrya@kantiana.ru

THE STRUCTURE OF POLITICAL ELITE NETWORKS IN THE REPUBLIC OF POLAND IN 1993—2013

E. Fidrya *

* *Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia*

Received on August 12, 2013

To identify the structure of network ties within Polish political elites; to study the features of network ties formation and the impact that both primary and labour socialisation periods and diaspora characteristics have on this process; to describe the structural features of the resultant network structures over different periods of time and analyse the structural dynamics of political elites for the purpose of forecasting major trends in the structural transformation of Polish political elites.

In the course of the study, biographical data on the presidents, ministers, advisors, and party leaders of the Republic of Poland was collected and processed. The work follows the network analysis paradigm and identifies the dynamics of the key network parameters: distance, density, transitivity, and compactness. The author analyses the dynamics of representation in the structure of political territorial diaspora elites, business community members, and 'moral politicians'. The article identifies two periods of formation of political party networks in Poland: the first period (1993—2007) saw a transition from rather weakly integrated systems to high density and cohesion networks as early as the second electoral cycle, after which a gradual decrease in the key indices of network integration was registered. A new peak of network cohesion and integration was reached in 2007—2011; however, the death of some key members of political elites in a plane crash resulted in a decrease in the network integration indices to the level of 2001—2005.

On the whole, the network structure of Polish political elite is characterised by unstable dynamics relating to the crisis events of the past. However, it is established that the elites have a pronounced diaspora core and an unstable periphery; the share of businesspeople directly participating in political processes is decreasing, whereas 'moral politicians' usually take an active part in the formation of political elites.

Key words: network analysis; political elites; Republic of Poland

References

1. Fodor, E., Wnuk-Lipinski, E. Yershova, N. 1995, The New Political and Cultural Elite, *Theory and Society*, Vol. 24, no. 5 : Special Issue on Circulation vs Reproduction of Elites during the Postcommunist Transformation of Eastern Europe, p. 783—800.
2. Gallina, N. 2008, *Political Elites in East Central Europe: Paving the Way for "Negative Europeanisation"?* Budrich UniPress Ltd.
3. Wasilewski, J. 2001, Three Elites of the Central-East European Democratization. In: Markowski, R. Wnuk-Lipinski, E. (eds.) *Transformative Paths in Central and Eastern*, Warsaw, Institute of Polish Studies, 206 p.
4. Wasilewski, J. 2010, Political Elites as an Agent of Social Change: The Polish Perspective. In: Silbereisen, R. K., Chen, X. *Social Change and Human Development: Concept and Results*, SAGE Publications Ltd.
5. Wasilewski, J. 2009, Politicheseskaja jelita srednej stupeni: problematika issledovanija [The political elite middle stage: research issues], *POLITJeKS — POLITicheskaja JeKSpertiza* [Political Expertise], Vol. 5, no. 2, p. 5—27.
6. Zhukovsky, I. I. 2011, Rekrutacija politicheskikh jelit v sovremennoj Pol'she: nekotorye predvaritel'nye suzhdenija [Recruitment of the political elite in contemporary Poland: some preliminary judgments], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12. Politicheskie nauki* [Vestnik of Moscow State University. Series 12. Political science], no. 6, p. 48—55.
7. Richard, A., Wnuk-Lipiński, E. 2002, Istochniki politicheskoy stabil'nosti i nestabil'nosti v Pol'she [Sources of political stability and instability in Poland], *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 6.
8. Tarasov, I. N. 2000, Problema dinamiki processa posttotalitarnogo razvitija stran Vostochnoj Evropy [The problem of the dynamics of the process of post-totalitarian countries of Eastern Europe], *Social'no-jekonomicheskoe razvitie Rossii. Problemy, poiski, reshenija* [Socio-economic development of Russia. Problems, finding solutions], Saratov, p. 51—53.
9. Higley, J. 2011, Elity, vne-elitnye gruppy i predely politiki: teoreticheskij rakers [Elite, elite group of out-of-policy and limits: a theoretical perspective]. In: Gaman-Golutvina, O. V. (eds.) *Elity i obshhestvo v sravnitel'nom izmerenii* [Elites and Society in the comparative measurement], Moscow, Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 431 p.
10. Higley, J., Burton, M. 2006, *Elite Foundations of Liberal Democracy*, Boulder, Rowman & Littlefield.
11. Wasserman, S., Faust, K. 1994, *Social Network Analysis: Method and Application*, Cambridge University Press, 825 p.
12. Knoke, D. 1990, *Political Networks: the Structural Perspective*, Cambridge University Press.
13. Agh, A. 1998, *The Politics of Central Europe*. London, Thousand Oaks, New Delhi, Sage Publications.
14. Lieven, A. 1994, *The Baltic Revolution: Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence*, New Haven, London: Yale University Press.
15. Kirchanov, M. V. 2007, *Latvija i strany Baltii: problemy diplomaticheskoy i politicheskoy istorii* [Latvia and the Baltic States: the issue of diplomatic and political history], Voronezh, Voronezh State University.

16. Almond, G. A., Flanagan, S., Mundt, R. (eds.) 1973, *Crisis, Choice, and Change: Historical Stories of Political Development*, Boston, Little, Brown and Co.

17. Dogan, M., Higley, J. 1998, *Elites, Crises, and the Origins of Regimes*, Rowman and Littlefield Publishers, Boulder CO.

18. Matonyte, I. 2009, Ex-nomenklatura and Ex-dissidents in the Post-communist Parliaments of Estonia, Latvia, Lithuania and Poland, *Viesoji politika ir administravimas*, no. 29, p. 28—39.

19. Steen, A. 1997, The New Elites in the Baltic States: Recirculation and Change, *Scandinavian Political Studies*, Bind 20 (New Series), no. 1, p. 91—112.

20. *The New Democracies in Eastern Europe: Party Systems and Political Cleavages*, 1994, Aldershot.

About the author

Dr Efim Fidrya, director of Social Sciences and Humanities Park, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: EFidrya@kantiana.ru